

ГЛАВА 1

Поездка обещала быть чудесной. Было утро, с безупречно синего неба ярко светило солнышко. За окнами машины пробегали живописные виды, которые с каждой минутой становились все прекрасней. Саша выглядывал наружу, с удовольствием подставляя лицо свежему ветру. Удовольствие было тем сильнее, что в самой машине свежестью и не пахло.

— М-да... — прошептал Саша своей маме, сидящей рядом. — Не мешало бы дяде Пете уже перестать упрямяться и приобрести себе нормальную машину с кондиционером. А то в его «ласточке» чересчур уж душно, да и бензином воняет.

— Как и полагается в каждой уважающей себя старой «Волге» советского года выпуска, — с улыбкой ответила мама. — Ты знал, на что шел, когда поехал с нами.

Саша в ответ лишь вздохнул. Поехал-то он по старой памяти, да крупно ошибся. С последнего их совместного путешествия с дядей Петей много воды утекло. А «ласточка» с годами не стала моложе. Саша должен был это учитывать, отправляясь

в путь в такой компании. Но почему-то он об этом не подумал, и вот теперь атмосфера в машине с каждым километром становилась все более тяжелой. Саша то и дело с тревогой поглядывал на своего пса. Как он там? Увы, бедный Барон давно находится в коматозном состоянии. Если уж Саше было не по себе в пропахшей бензином колымаге, то чуткому собачьему носу такой запах — это был просто нокаут.

Барон свернулся калачиком, глаза у собаки были закрыты. Со стороны могло показаться, что пес просто спит, но Саша умел разбираться в чувствах своего питомца и видел, что выражение морды Барона было самое страдальческое.

— Барон, — позвал он собаку. — Ты там как?

Барон мигом открыл глаза, поднял голову и вопросительно уставился на хозяина. А? Что? Разве есть варианты?

— Бедный ты мой, — опечалился за него Саша, — иди сюда!

И он похлопал по коленям. Барон тут же очутился на сиденье рядом с хозяином, устроился поудобнее и высунул голову на улицу. Теперь они уже вдвоем с наслаждением вдыхали свежий воздух. Но сам дядя Петя к их проделкам отнесся неодобрительно.

— Нечего собаку на сиденья пускать! Все чехлы будут после него в шерсти! Достаточно уже и того, что с твоего Барона на ковриках столько песка

набирается, что впору собственный пляж открывать.

И видя, что его слова не производят впечатления, дядя Петя прикрикнул:

— Сашка! Ну, кому я сказал!

Пришлось им с Бароном прекратить свое развлечение. Пес вернулся под сиденье. А Саша уже в двадцатый раз пожалел, что не отправился в путь на своей машине. А все мама, которая заставила поехать с дядей Петей и его семьей. Захотелось ей, видите ли, побыть подольше со своей родней. Саша неодобрительно покосился на свою маму, понимает ли она, как опростоволосилась? Хотела пообщаться с родственниками, так и ехала бы с ними одна! Нет, заладила, не стоит бензин тратить, дядя Петя нас всех отлично довезет. В наше время не грех и сэкономить. Вот и сэкономили, что теперь все мучаются.

Но это было еще не все.

— Саша, и окно тоже закрой! — внезапно потребовала бабушка Эльза.

— Душно, бабуля.

— А мне дует!

Ехала она в теплом пуховике, на голове у нее была надета шерстяная шапка, сверху еще и повязанная шалью. Как в таком обмундировании можно было замерзнуть в погожий апрельский денек, Саша взять в толк не мог. Поэтому выполнять приказ бабушки и не торопился.

— Ты не слышал? — произнесла мама. — Эльзе Константиновне холодно!

Саша протянул руку, чтобы начать крутить ручку стеклоподъемника, спорить с женщинами, как известно, себе дороже, но тут в машине прозвучал еще один голосок:

— Почему никто никогда не спрашивает моего мнения? А?! Может, мне жарко! А Барону так ему точно душно. Вон он как дышит, даже мне слышно. И Сашка вообще весь мокрый сидит, с него течет, как с Ниагары. Да и от тебя, дорогая тетечка, тоже не духами пахнет. И что теперь? Из-за одной вредной бабки, которая и так уже напялила на себя весь гардероб, мы теперь должны париться в этой вонючей душегубке с закрытыми окнами?

Эту тираду произнесла Анечка — родная дочка дяди Пети, и она же внучка Эльзы Константиновны. Какое-то время все взрослые в шоке молчали, пытаясь прийти в себя от наглости пятнадцатилетней девицы, осмеливающейся так дерзко разговаривать со взрослыми.

— Хамка! — первым возмутился дядя Петя, обретая дар речи. — Немедленно извинись перед бабушкой!

В ответ Аня ехидно произнесла:

— Извини, бабуля! Извини за то, что ты выжившее из ума ископаемое, которое всем вокруг мешает жить так, как им нравится! Прости меня, но это так!

Саша отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Может, и не стоило Ане в таком тоне разговаривать с родной бабушкой, но упрекать сестренку он не мог. Эльза Константиновна за время пути уже основательно вынесла всем мозг. То ей казалось, что сын поехал не по той дороге, ни карты, ни подсказки «Алисы» из навигатора ее убедить не могли. Бабушка даже обозвала «Алису» железной душой, на что та обиделась и заявила, что разговаривать в таком тоне не собирается.

Тогда Эльза Константиновна разволновалась, что какая-то железка смеет учить ее хорошим манерам, и потребовала остановиться, потому что ей нужно было достать лекарство, которое лежало в сумке, засунутой глубоко в багажник. Когда лекарство нашлось, потребовалась вода, чтобы его запить. Бутылочка с водой где-то была, но найти ее не удалось, а Эльза Константиновна требовала, чтобы ей дали именно ее воду, никакую другую она пить не желала. Потом все же согласилась на минералку, за которой потребовалось заехать на заправку, потом бабушке захотелось в туалет, потом было что-то еще, еще и еще. Фантазия старушки была неисчерпаема.

Вот и сейчас, услышав слова внучки, Эльза Константиновна тут же схватилась за сердце:

— Умираю! Петя! Угомони девчонку!

— Анька, замолчи! — рявкнул красный и потный дядя Петя. — Иначе, клянусь, я сейчас остановлюсь и надаю тебе тумаков!

Угроза прозвучала достаточно убедительно, поэтому Аня не стала провоцировать. Но дядя Петя не успокаивался. Но возмущало его не отношение дочери к бабушке, переживал дядя Петя за свою машину.

— Ну ты, Анька, даешь стране угля! Надо же такое ляпнуть! Вонючая душегубка! И это о моей «ласточке»! Да чтобы ты знала, эта машина старше тебя на добрых двадцать лет. Да она тебе в матери годится!

Но Анька упорно не желала уважать возраст ни в человеческом, ни в железном эквиваленте.

— Давно пора выбросить эту ржавую рухлядь на свалку! — возмущенно сказала она. — Тебе это все вокруг говорили, и не один раз!

— Это антиквариат!

— Ха-ха! Хлам!

— Еще десять лет, и моя «ласточка» точно будет цениться на вес золота!

— Никогда! — отрезала Аня. — Ни через десять, ни через двадцать, ни даже через сто лет этого не случится. Она просто сгниет и развалится вместе со всеми теми веревочками, которыми ты, папа, ее так любишь перевязывать!

— Нет, ты не права! У этой машины куча достоинств. И главное то, что моя «ласточка» сделана

так, что я способен починить ее в любом месте и в любое время. Да я ее знаю всю как облупленную. Все ее болячки, все ее слабые места, сломалось у нее чего, я раз, и починил! Где-то проволочкой подтяну, где-то хомутик надену, и готово, и порядок. А разве с новой машиной я смогу так поступить? Там же все компьютер решает, а не человек! Мне эту премудрость вовек не осилить! Опять же в аварии моя «ласточка» сколько раз бывала, и все ей нипочем. У «ласточки» моей на задку легкая трещинка, а джип современный весь из себя такой навороченный в лепешку! Потому что джип — он консервная банка, а моя «ласточка» из железа!

Дядя Петя так обиделся за свою «ласточку», что совсем забыл про умирающую от разрыва сердца мать, которая тяжело дышала рядом с ним. Жалобные стоны бабушки Эльзы тонули в громовых раскатах голоса ее сына. Дядя Петя разошелся не на шутку. От современного автопрома он перешел на воспитание подрастающего поколения. И проорал, что молодежь нынче совсем оборзела, ничего не ценит, никого не уважает. Расстроенный всем этим шумом Барон забился глубоко под сиденье, оттуда выглядывала только его перепуганная морда. Собака не выносила, когда близкие ему люди ссорились. Это делало пса совершенно несчастным. Он не знал, как ему реагировать, и страдал.

Саша наклонился к собаке и прошептал:

— Все в порядке, Бароша. Немного поссорятся, потом помирятся. Родные люди, с кем не бывает.

Саша потрепал пса по загривку, тот в благодарность лизнул его руку. Но из укрытия не выбрался. Там Барону казалось спокойней. И по-своему он был прав. Накал страстей в салоне старенькой «Волги» нарастал.

— Не видать вам моего наследства! — стонала бабушка Эльза, которая от злости сделалась совсем красной. — Все Мишке с Витькой оставляю. Так и знайте! Ни копейки ни тебе, Анька, за твою грубость, ни тебе, Петя, не оставляю!

— Мамадя, — оторопел дядя Петя, — а меня-то вы за что в немилость записали?

— А чтобы знал, как таких грубиянок растить!

На это дядя Петя справедливо заметил, что Эльза Константиновна живет с ним и его семьей вот уже пятнадцать лет, на ее глазах появилась на свет Аня, на ее руках воспитывалась, и ее же стараниями девочка теперь превратилась именно в то, что все и видят.

— Не вы ли, мамадя, запрещали мне девчонку шлепать, когда я ей в детстве люлей пытался прописать? И Марине вы не позволяли Аньку воспитывать. Вечно за девчонку горой. То, что из нее выросло, вашими стараниями выросло!

Но Эльза Константиновна, подобно многим пожилым людям, давно утратила способность критически воспринимать собственные действия

и не желала признавать свои ошибки. Она сейчас знала лишь то, что ее обидели, а почему и как это произошло, разбираться не желала.

— Ни копейки! — брызгая слюной, вопила она. — Ни рублика! Ни монетки! Все Мишке с Витькой!

— Один же пьяница, другой наркоман. Ваши собственные слова.

— Зато с матерью они всегда почтительны.

— Ну-ну, — хмыкнул дядя Петя обиженно. — Дело ваше, маманя. Отдавайте, конечно. По мне, так вы хоть вовсе папенькину коллекцию в воду выбросьте.

Наверное, он хотел объяснить матери, что воля матери для него закон, но вышло только хуже. Эльза Константиновна восприняла это как неуважение к памяти мужа.

— Теперь я понимаю, в кого Анька у нас такая хамка выросла! Надо же такое ляпнуть! Выбросить коллекцию, которую до тебя собирали пять поколений семьи Тюлькиных. Все! Если раньше я еще сомневалась, как мне поступить, то теперь точно знаю, никто из вас троих ее не получит!

В общем, до места назначения все успели поссориться, потом помириться, потом снова немножко поссориться. Доехали весело, скучно никому не было — это точно. Что касается Барона, то он выскочил из «Волги» первым и начал стремительно носиться кругами, ничего не видя и лишь

торжествуя, что он снова на свободе. Поэтому пес то и дело налетал на чьи-то ноги, виляя хвостом и, кидаясь из стороны в сторону, вел себя словно конченый сумасшедший.

Разумеется, такое поведение собаки тут же вызвало неудовольствие у хозяина дома.

— Угомони своего пса, Сашка!

— Он просто радуется, дядя Витя.

— Угомони, я сказал!

Саша подозвал Барона к себе и велел сидеть рядом. Видя такое безукоризненное послушание, Дядя Витя смилостивился и даже хотел погладить собаку, но Барон недовольно рыкнул, хотя никогда агрессии к людям не проявлял. А вот дядя Витя чем-то сильно ему не нравился, и Саша собаку понимал. Он и сам никогда особенно не любил этого своего родственника. И он, и его жена всегда были важные да самодовольные, всех получали, ко всем относились свысока. Не самыми приятными людьми было это семейство, состоящее всего из двух человек. И хотя денег у них всегда было завались, никто из остальной родни не мог похвастаться тем, чтобы они кому-нибудь хоть чем-нибудь помогли. Оба супруга жили по принципу: что мое, то мое, а что твое, тоже мое. Саша и сегодня поехал к ним только ради мамы, которая хотела кое-кого повидать из родни, которая собралась в доме у дяди Вити в большом количестве.

Повод имелся достойный. Сегодня Виктору исполнилось пятьдесят лет. Ну, не совсем сегодня, полтинник ему стукнул два дня назад. Но и свой юбилей дядя Витя отмечал уже не первый день. Начал он отмечать его еще в офисе с сотрудниками своей фирмы, которые от души чествовали генерального, так что принесли его домой буквально на руках. Это была лишь закуска. На другой день юбиляра поджидало основное блюдо, за ним он переместился с лучшими друзьями, тоже все сплошь генеральными, в ресторан. А уже сегодня наступил черед родни, это был десерт, который дядя Витя принимал у себя дома, потому что желал побыть в спокойной домашней обстановке.

Но про себя все гости думали другое и не стеснялись высказываться:

- Зажил Витька для нас ресторан.
- Кто мы ему такие? Подумаешь, родня!
- Рылом мы не вышли с Витиными важными друзьями за одним столом сидеть. Вот в чем дело!
- А Ритка его еще и сэкономить не прочь. Даром что дом ломится, ей все мало.
- Шашлыки, закуски и торт, — очень похоже передразнил жену Виктора худенький миловидный юноша — Толик.
- Ну и выпивка еще, — подхватила Алена. — Бери, что подешевле, будет с них и этого!

Алена приходилась родной сестрой Толику. Они оба были детьми дяди Пети от первого брака.